Имя профессора Исаака Ильича Рубина (1886—1937), автора интереснейших работ по теоретическим проблемам политической экономии и истории экономической мысли, часто появлялось на страницах различных изданий и до революции, и после нее. К началу 20-х годов он выдвинулся в число ведущих ученых-экономистов страны. Статьи Рубина вызывали острые споры, большой популярностью пользовались его лекции. Но именно в 20-е годы началась серия арестов Исаака Ильича. Уникальна даже для тех лет судьба "перманентного арестанта". И удивителен его научный подвиг: в неволе мысль Рубина продолжала трудиться, в тюрьмах, концлагерях, ссылках он интенсивно работал, как и в короткие перерывы между арестами. В ноябре 1937 г. ученый был казнен, его книги отправлены в спецхран, а имя на полвека вычеркнуто из отечественной науки. Одна из целей публикуемой статьи — восстановление исторической справедливости. Авторы привлекли обширные архивные материалы, в том числе хранившиеся в бывшем КГБ, неизвестные работы ученого, а также рукописи и документы, любезно предоставленные доктором биологических наук М.В. Желтенковой и инженером В.В. Желтенковым — племянниками профессора Рубина. Впервые публикуется также последняя работа ученого, написанная накануне гибели.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭКОНОМИСТА И.И. РУБИНА

Две наиболее важные работы И.И. Рубина давно переведены, опубликованы и позитивно оценены на Западе [1, 2]. В нашем же отечестве до самого последнего времени книги и труды ученого оставались в спецхранах библиотек, его научные взгляды игнорировались или оценивались необъективно. Краткая биографическая справка в энциклопедии "Политическая экономия" — чуть ли не единственное упоминание Рубина, к тому же в прежней трактовке: «Р. возглавлял т.н. идеалистическое направление в политической экономии (называемое иногда в литературе "рубинской школой"). Позиция Р. была подвергнута острой критике в работах советских экономистов» [3].

Не пора ли вспомнить о драматической судьбе, о научном подвиге талантливого исследователя?

* * *

Исаак Ильич Рубин родился 12 июня 1886 г. в Двинске в состоятельной еврейской семье. Отец его был домовладельцем, потомственным почетным гражданином города. С пяти лет мальчик посещал хедер, затем окончил классическую гимназию в Витебске, в 1906—1910 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета, где экономические дисциплины преподавали известные тогда профессора И.И. Кауфман и М.И. Туган-Барановский. После окончания университета И.И. Рубин стал специалистом в области экономических наук и гражданского права. В. "Жизнеописании" он позднее пояснял: "Так как академическая карьера была для меня закрыта, то по окончании университета занимался несколько лет юридической практикой (преимущественно рабочею) и одновременно издал в 1913 и 1914 гг. несколько научных работ по гражданскому праву" [4]. Нам удалось разыскать упоминаемые в этой автобиографии работы по юридическим проблемам, представляющие собой комментарии к ряду статей гражданского права и закону о пенсиях для солдат [5, 6].

В 1912 г. Рубин переехал в Москву, где сначала работал присяжным поверенным, а с 1915 до августа 1917 г. являлся секретарем Союза городов и Земского союза. С мая до начала ноября 1917 г. сотрудничал в газете "Известия Московского Рабочего Совета". Опубликовал в ней десять статей: о механизме улаживания трудовых конфликтов с помощью примирительных камер, путях борьбы с безработицей, III Всероссийской конференции профсоюзов, создании и функционировании муниципальных и профессиональных бирж труда, трудовой повинности и т.д. [7]. Социальной проблематике были посвящены и брошюры Рубина "Примирительные камеры и третейский суд" и "Страхование от безработицы", опубликованные в 1917—1918 гг. [8, 9], а также более 15 статей в журналах "Рабочий мир" и "Продовольственное дело". Вот названия лишь некоторых из них: "Борьба со спекуляцией и торговые служащие", "Безработица и борьба с нею в Московском районе", "Профессиональные союзы и регулирование промышленности", "Национализация фабрик", "Революция и народное хозяйство в Германии", "Социальные классы в Венгрии", "Пролетариат в Австрии". Эти материалы представляют не только исторический интерес. Из них можно и сейчас почерпнуть немало полезного для осмысления наших насущных экономических проблем.

В 1919 г. начинается научная и преподавательская деятельность Исаака Ильича. Приведем еще одну выдержку из его "Жизнеописания": «С 1919 г. был привлечен Д.Б. Рязановым к переводу сочинений Маркса. В это же время приступил вместе с Ш.М. Дволайцким к составлению сбор-

ника "Основные проблемы политической экономии" (вышел в 1922 г.). С середины 1919 г. до 1921 г. преподавал общественные науки на Московских Военно-технических курсах, летом 1920 г. прочел курс политической экономии на учительских курсах при Наркомпросе. С февраля 1920 г. по 1922 г. работал в Наркомпросе, в комиссии по составлению программ для школ, в комиссии по составлению учебных планов для университетов и в качестве заведующего отделом обществоведения Гуманитарно-педагогического института. В феврале 1921 г. был назначен профессором 1-го Московского Ун-та и с этого времени преподавал политическую экономию в 1-м Московском Университете, Институте Красной Профессуры, Институте народного хозяйства и Свердловском университете».

К началу 20-х годов Рубин выдвинулся в число ведущих ученых страны. Он стал историком экономической мысли, переводчиком и комментатором трудов западноевропейских экономистов, ярким лектором. И именно в это время быстрого научного взлета Рубин в феврале 1921 г. оказывается за тюремной решеткой. По своим политическим убеждениям он был социал-демократом. В 1904 г. вступил в "Бунд", вел активную пропагандистскую работу среди еврейских рабочих в черте оседлости. В 1905 г. арестован, выпущен на свободу по амнистии после царского Манифеста 17 октября.

К Октябрьской революции Рубин отнесся без энтузиазма, опасаясь, что в случае ее поражения к власти придут контрреволюционные силы. После Октября продолжал свою деятельность в московской организации Бунда, а когда на Московской конференции в апреле 1920 г. произошел раскол — остался с теми, кто отказался идти на слияние с РКП(б). Вместе с этой частью Бунда, объявившей себя его правопреемницей, Рубин покинул зал заседаний. В своем выступлении перед единомышленниками о задачах профсоюзного движения он защищал необходимость "независимых от государственной власти профсоюзов как органов классовой самодеятельности пролетариата, построенных сверху донизу на выборном начале, сохраняющих постоянную и тесную связь с рабочими массами и подотчетными этим массам" [10]. Рубин был избран в Центральный комитет Бунда и стал секретарем его ЦК. Именно за принадлежность к руководству Бунда он был арестован 20 февраля 1921 г. и помещен в Бутырскую тюрьму.

«Гр. Рубин, — отмечалось в заключении по его делу, — был задержан 20.II с.г. в клубе "Вперед" на пленарном заседании ЦК Бунда (с-д), в коем он состоит секретарем. В отобранной партийной литературе не найдено ничего, что указывало бы на нелегальный характер его партийной работы... Принимая во внимание, что следствием не установлено конкретных данных для обвинения гр. Рубина, я бы полагал возможным дело гр. Рубина прекратить, а отобранные у него переписку и документы возвра-

тить» [11, л. 9]. Эта рекомендация была выполнена: арестованного освободили "под подписку о невыезде и с обязательством явки по первому требованию ВЧК" [11, л. 11].

В следующий раз И.И. Рубина забрали в ночь с 5 на 6 ноября того же 1921 года. Он был депутатом Московского совета, и фракция меньшивиков в Моссовете выступила с протестом: "Мы полагаем, что этот очередной налет ВЧК нельзя оценить иначе как продолжающуюся политику близорукого терроризма со стороны руководящих кругов коммунистической партии по отношению к РСДРП, основные моменты экономической программы которой пытается в настоящее время осуществить РКП" [11, л. 31].

Но спасли его коллеги-ученые. В следственном деле хранится письмо тогдашнего ректора МГУ известного историка В.П. Волгина в ВЧК. Оно датировано 6 ноября 1921 г. (то есть отправлено в день ареста) и дает представление о преподавательской работе Рубина в МГУ. Вот его текст: "В ночь с 5-го на 6-е ноября арестован на своей квартире профессор факультета общественных наук по кафедре политической экономии Исаак Ильич Рубин. Его арест причиняет существенный ущерб делу преподавания на факультете, так как им ведутся там занятия по теории марксизма, которой он сам является приверженцем, и курс этот входит как существенная составная часть в основную программу факультетского преподавания. Ввиду этого для Президиума Университета — в интересах надлежащего хода учебного дела в Университете — представляется существенно важным, чтобы профессора И.И. Рубина, по мере возможности, скорее вернули к преподавательской работе и потому Президиум обращается во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию с настоятельной просьбой в самом спешном порядке рассмотреть дело проф. Рубина и изменить применяемую к нему меру личного содержания, как только представится возможным. Уверенный в лояльности проф. Рубина по отношению к правительственной власти, Президиум просит Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию отпустить его на поруки лиц, входящих в состав Президиума Университета, и берет на себя полную ответственность за то, что в случае такого освобождения проф. Рубин по первому вызову явится к надлежащим органам правительственной власти и вообще не злоупотребит ни в какой форме тем доверием, которое было ему оказано путем освобождения из-под ареста" [11, л. 29].

В деле находится также письмо А.В. Луначарского заместителю Председателя ВЧК В.Р. Менжинскому (от 14 ноября 1921 г.). Рубин, говорится в нем, "производит весьма интенсивную работу в Наркомпросе" и далее излагается просьба "ускорить рассмотрение его дела и, если обстоятельства позволяют, вернуть его поскорее к исполнению им обязанностей". 19 ноября с письмом в ВЧК обратился также декан факультета обще-

ственных наук МГУ Н.М. Лукин: «Вследствие сего и принимая во внимание, что профессору Рубину поручено, как ценному преподавателю, выдержанному марксисту, ведение специального семинария по "Теории ценности Маркса", посещаемого большой аудиторией, деканат факультета настоящим ходатайствует о возможно скорейшем освобождении проф. Рубина из-под ареста для продолжения ведения занятий, присовокупляя, что большой перерыв их в середине семестра крайне нежелателен» [11, л. 32].

Ходатайства коллег-ученых возымели действие. Постановление Президиума ВЧК от 22 ноября 1921 г. гласило: "Гр. Рубина из-под стражи освободить под поручительство Президента Московского Государственного Университета в лице тов. Волгина. Дело следствием продолжать" [11, л. 40—43]. Во время двух кратковременных заключений в 1921 г. И.И. Рубин не прекращал и в тюрьме научную работу. В письмах, адресованных тюремному начальству, он просит разрешение на получение необходимых для работы книг, тетради для заметок и т.д.

После ноября 1921 г. И.И. Рубин пробыл на свободе год и три месяца. Он снова преподавал в МГУ, ИКП и других учебных заведениях, опубликовал ряд рецензий и статей, подготовил первое издание своей главной работы "Очерки по теории стоимости Маркса" [12]. 27 февраля 1923 г. профессор был вновь арестован. На сей раз он провел в заключении и ссылке более трех с половиной лет. 13 апреля 1923 г. комиссия НКВД по административной высылке приняла постановление о заключении Рубина на три года в Архангельский концлагерь [13, л. 32]. Постановление было обосновано помощником начальника 2-го отдела ОГПУ Ивановым следующим образом: "Принимая во внимание, что данных для поддержания в суде обвинения по 62 ст. против гр. Рубина И.И. следствием добыто недостаточно, но вполне доказана его активная антисоветская деятельность, полагаю: настоящее дело с заключением представить комиссии НКВД по административным высылкам с предложением заключить гр. Рубина Исаака Ильича в Архангельский концлагерь сроком на 3 года. Дело следствием прекратить и сдать в архив СОГПУ" [13, л. 36—37].

Для Рубина такое решение было равнозначно смертному приговору. Человек очень больной, он вряд ли смог бы выдержать трехгодичное пребывание в концлагере на Севере. В течение месяца за жизнь ученого шла борьба. Его коллеги сделали все, чтобы предотвратить отправку. Много усилий приложила его жена Полина Петровна Рубина (1884—1958). 19 апреля она направила письмо послу СССР в Германии Н.Н. Крестинскому с просьбой содействовать "пересмотру приговора и немедленной его приостановке". «Вообще все последние годы Исаак Ильич был занят работой по изучению теории стоимости Маркса, результатом которой явилась изданная Госиздатом в Москве и выпущенная

месяц назад книга Исаака Ильича "Очерки по теории стоимости Маркса», — напоминала она [13, л. 14—17]. Н.Н. Крестинский быстро отреагировал на письмо. "Я думаю, — писал он заместителю председателя ОГПУ И.С. Уншлихту, — что по отношению к нему наиболее правильно было бы разрешить ему выехать за границу. Вреда за границей он нам принести не может... Поэтому я возбуждаю вопрос о пересмотре принятого решения и о высылке Рубина за границу" [13, л. 19—20]. 23 апреля Полина Петровна обратилась в ОГПУ с просьбой "пересмотреть приговор и заменить его высылкой за границу или в какой-нибудь губернский город". "В случае невозможности такого постановления прошу оставить его в одной из московских тюрем", — добавляла она [13, л. 21—22].

10 мая 1923 г. комендант Бутырской тюрьмы ОГПУ получил распоряжение "задержать отправку приговоренного в Архангельский концлагерь гр. Рубина Исаака Ильича ввиду болезни до особого распоряжения" [13, л. 40]. Правда, осенью 1923 г. руководство ОГПУ все же отправило его, правда, не в Архангельский, а в Суздальский концлагерь. В следственном деле сохранилось письмо И.И. Рубина оттуда, написанное 28 октября 1923 г.: "Восьмимесячное заключение в тюрьме уже сильно подорвало мое и раньше очень слабое здоровье (невроз сердца, был туберкулез легких, застарелая болезнь желудка); в Суздале меня поместили в камеру в нижнем этаже, с огромными зияющими на стенах пятнами от сырости". Рубин отмечал, что заключение в Суздале было более мучительным и разрушительным для его нервного состояния, чем даже "очень суровый режим", которому он подвергался в Бутырке [13, л. 68]. Вскоре Рубина вернули в Бутырскую тюрьму.

Жесткое отношение ОГПУ к ученому объяснялось прежде всего тем, что тот не менял свои политические взгляды. Он называл себя "политическим заключенным" и отваживался на опасные демарши: "Настоящим заявляю, что сегодня, 1-го мая 1924 г., в день международного праздника рабочего класса, я объявляю однодневную голодовку траура по погибшим в тюрьме и ссылке товарищам-социалистам и в знак протеста против неслыханно жестокого режима (...) применяемого большевиками по отношению к социалистам" [13, л. 91]. В подобной ситуации тем, кто пытался облегчить участь Рубина, было нелегко добиться положительных результатов. Директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса академик Д.Б. Рязанов был готов даже взять его на поруки под свою ответственность. Позднее он вспоминал: «Несмотря на все мои убеждения, Рубин остался непреклонным. Давая мне слово, что он отказывается от всякой практической работы и готов себя посвятить целиком научной работе, он отказался выйти на свободу под мое поручительство. "А если в Кашин, — предполагалось, что он будет жить не в Москве, — ко мне

заедет кто-нибудь из старых товарищей. Я на него не донесу, а Вас только подведу"».

Хлопотала о Рубине и его сестра Б.И. Желтенкова. Летом 1924 г. она обратилась с просьбой о досрочном освобождении брата к председателю Совнаркома А.И. Рыкову. "В случае невозможности его освобождения, прошу назначить ему ссылку на время до истечения назначенного срока в один из городов, недалеко от Москвы" — писала она [13, л. 110].

Исаак Ильич Рубин, 1927 г.

В ноябре 1924 г. в судьбе Рубина произошел определенный поворот. Ходатаям удалось, наконец, договориться с руководством ОГПУ о решении проблемы. Вероятно по их совету И.И. Рубин 4 сентября 1924 г. обратился к Менжинскому с просьбой заменить ему оставшийся по приговору срок заключения в концлагере "высылкой в один из губернских городов европейской России... или в какое-либо место в Крыму" [13, л. 120—121]. 19 декабря 1924 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить Рубина из тюрьмы и выслать его в расположенный на крымском полуострове г. Карасубазар на оставшийся срок [13, л. 126–127].

В Карасубазаре (с 1944 г. — Белогорск) ученый и его жена сняли две комнаты в одноэтажном домике. Жизнь их не была безмятежной. К тому же зимой самочувствие Рубина ухудшилось. Просьба перевести его в другую, более подходящую для его здоровья местность Крыма, руководство ОГПУ решительно отклонило. В апреле 1926 г. ученый писал: "Благодаря невозможности своевременной перемены места жительства я провел зиму 1925—1926 гг. в непрерывных болезнях. Я пролежал в постели три месяца и перенес острый суставной ревматизм в тяжелой форме, в результате мое здоровье (особенно состояние сердца) резко ухудшилось и в настоящее время требует длительного специального лечения" [13, л. 171].

13 апреля 1926 г. истекал срок ссылки. Коллеги Рубина сделали все, чтобы добиться его возвращения в Москву. 29 марта Ш.М. Дволайцкий так обосновал необходимость возвращения ученого к преподавательской

работе в Институте Красной профессуры: "Рубин в настоящее время является крупнейшим (если не считать т. Бухарина) знатоком (...) марксизма. Его основная работа представляет собой, на мой взгляд, блестящую интерпретацию теории ценностей Маркса. Во всяком случае я в этой области не мог назвать ни одной работы, которая стояла бы на уровне книги Рубина. Он занимается, кроме того, историей экономических учений... Он имел возможность превосходно изучить не только предшественников и современников Маркса, но и современную буржуазную теоретическую экономическую литературу. Второго такого преподавателя мы для института, конечно, найти не сможем... Изложенное мною мнение о Рубине, насколько мне известно, есть общее мнение наших товарищей-экономистов. Бухарин также ставит его очень высоко" [13, л. 169].

9 апреля 1926 г. за возвращение Рубина к работе в ИКП высказался его ректор историк академик М.Н. Покровский: "Так как профессор Рубин является исключительным знатоком в области экономической теории Маркса и истории экономических учений, а ИКП испытывает недостаток в таких именно руководителях, а потому считает возможным просить разрешить ему жительство в Москве с тем, чтобы, как и раньше, использовать его в качестве руководителя семинарскими занятиями на основных курсах... Политическая позиция проф. Рубина, само собой разумеется, ни в коей мере не может отразиться на столь высококвалифицированных партийцах, как слушатели Института Красной Профессуры" [13, л. 168].

Но эти ходатайства не были приняты во внимание. В заключении по делу отмечалось: "За время нахождения в ссылке Рубин по-прежнему остался меньшевиком, стоя на непримиримой позиции по отношению к Соввласти, поддерживал связи с ссыльными других городов, в силу чего проживание его по окончании ссылки в каких бы то ни было центральных, промышленных пунктах является социальной опасностью" [13, л. 173]. Ученому было запрещено три года проживать в Москве, Ленинграде, Туле, Нижнем Новгороде и Иваново-Вознесенске. В конце августа он получил разрешение поселиться в Саратове. А в ОГПУ обращались все новые ходатаи. На этой стадии наряду с академиком Д.Б. Рязановым за Рубина хлопотали А.И. Рыков и Н.И. Бухарин. В октябре их заступничество возымело действие. Рубину разрешили на три недели приехать в Москву, а 26 ноября 1926 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: "Рубина Исаака Ильича досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР" [13, л. 200].

В "Жизнеописании" Рубина встречаем такие строки: "С 1923 по 1926 г. занимался литературно-научной работой и написал ряд научных работ" [4]. На первый взгляд, это может показаться странным. Ведь в это время Рубин находился в камере Бутырской тюрьмы, в Суздальском конц-

лагере, снова в Бутырке, а затем в ссылке в Карасубазаре. Но когда листаешь его следственное дело, убеждаешься, что в заключении Исаак Ильич действительно интенсивно трудился. Зафиксированы все поступления книг, журналов и других материалов к Рубину в 1923—1926 гг. и все случаи передачи им на волю подготовленных в тюрьме рукописей. Кроме того, в деле находится обширная переписка, свидетельствующая о его интенсивной научной работе. Тюремное начальство не пресекало научные занятия профессора не по своей воле. К моменту ареста он выполнял множество заданий и заявок на публикации от различных издательств, а также Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Руководители этих учреждений в то время еще могли оказывать влияние на верхи ОГПУ.

В деле очень много писем отдельных ученых и учреждений (прежде всего Института К. Маркса и Ф. Энгельса) в ОГПУ с просьбой передать Рубину те или иные издания. Вот, к примеру, письмо Ш.М. Дволайцкого от 4 сентября 1923 г.: «Прошу прилагаемую при сем книжку ("Ricardo und Marx als Werttheoretiker" J. Rosenberg) переслать в Бутырскую тюрьму И.И. Рубину и сообщить ему, что книжка препровождается для написания им вступительной главы. Книжка, равно и введение Рубина, будет напечатана издательством "Московский рабочий" и войдет в издаваемую под моей редакцией "Экономическую серию". Прошу не задерживать, чтобы не откладывать выхода книжки» [13, л. 58]. А вот письмо ИМЭ в ОГПУ от 21 июня 1924 г.: «Институт доверяет т. А.Д. Маркову 1) передать для Рубина — перевод Маркса "Критика некоторых положений политической экономии" — в двух экземплярах (рукопись перевода и перепечатка его); 2) получить материалы для Института, о которых сообщали нам из Вашего Секретариата» [13, л. 102].

Всего в неволе (с весны 1923 г. по осень 1926 г.) ученый подготовил примерно двадцать научных трудов, в том числе монографии, переводы книг и статей экономического содержания, предисловия, статьи в журналы, в БСЭ, комментарии к текстам. Среди них второе, увеличенное в два раза издание "Очерков по теории стоимости Маркса" (1924), перевод и предисловие к книге И. Розенберга "Теория стоимости у Рикардо и у Маркса", второе издание книги "Народное хозяйство в очерках и картинках" (совместно с Р.М. Кабо) (1924), вступительная статья к книге В. Либкнехта "История теории стоимости в Англии" (1924) (Рубин осуществил также научное редактирование перевода этой книги), перевод работы Г. Леви "Основы мирового хозяйства", а также книг "История экономической мысли" (1926), "Физиократы" (1925), "Современные экономисты на Западе" (1927). В это же время И.И. Рубин готовил новый перевод работы Маркса "К критике политической экономии", ряд статей и рецензий для журнала "Архив К. Маркса и Ф. Энгельса", составил антологию "Классики политической экономии от XVII до середины XIX в.",

сопроводив каждый раздел своими содержательными вступительными замечаниями. Для первого издания Большой Советской Энциклопедии он написал в тюрьме статьи "Австрийская школа", "Амортизация", "Вульгарная политическая экономия". В Бутырской тюрьме профессор Рубин начал рукопись "Очерки по теории денег Маркса". В ней развивались идеи его "Очерков по теории стоимости". Работа была продолжена в 1927—1928 гг. Рукопись переписана им начисто и подготовлена к перепечатке. Это было первое в отечественной науке специальное исследование теории денег Маркса. Однако опубликовать свой труд профессор так и не успел, он остается неизвестным и поныне. К счастью, рукопись сохранили близкие И.И. Рубина.

Научная работа в условиях заключения — подвиг ученого. В Суздальском концлагере он был вынужден писать и читать при свете керосиновой лампы. Показательный эпизод произошел после 19 декабря 1924 г. в Бутырской тюрьме. Пришло распоряжение об освобождении его из тюрьмы и отправке в Карасубазар. Но заключенный попросил... отсрочить освобождение. Мотивировка: «У меня на руках две большие работы, из них одна учебного характера ("Хрестоматия по истории политической экономии": около 450 страниц), подлежащая немедленной сдаче в Госиздат и требующая для окончательного редактирования не более 6—7 дней. В случае немедленного отъезда я буду лишен возможности переслать единственную рукопись, плод полугодовой работы, и в лучшем случае сдача задержится на 2—3 месяца» [13, л. 128]. Необычную для заключенного просьбу удовлетворили, пребывание его в тюрьме продлили на несколько дней. К 27 декабря 1924 г. И.И. Рубин завершил всю работу и только тогда был отправлен в ссылку.

В Карасубазаре профессор работал не менее напряженно. В фонде дирекции Института К. Маркса и Ф. Энгельса сохранилось пять крымских писем И.И. Рубина. В них говорится о получении книг из библиотеки ИМЭ и об их возвращении, о переводе на русский язык «Замечаний на книгу А. Вагнера "Учебник политической экономии" (2 издание) том I (1879)» К. Маркса и о переводе на немецкий язык статьи Рубина "Штольцман как критик Маркса". "Надеюсь, — писал он по поводу своей статьи 14 августа 1925 г., — что Вы примете срочно меры, чтобы все сделанные мною исправления были немедленно внесены. Ввиду трудности и ответственного характера темы, появление работы без сделанных мною исправлений в высшей степени нежелательно и неизбежно вызовет нарекания в небрежности работы (технические термины, цитаты, заглавие и т.п.). Поэтому если рукопись уже сдана в печать, очень прошу Вас немедленно, не дожидаясь получения рукописей, уведомить редакцию, что в статье сделаны исправления, которые безусловно должны быть внесены" [14].

Самоотверженная научная работа И.И. Рубина в 1923—1926 гг. безу-

словно заслуживает быть отмеченной в истории науки. Конечно, без солидарности и помощи коллег профессор не смог бы ни работать, ни выбраться из тюремной камеры, а затем вырваться из ссылки в Москву в конце 1926 г. Без их содействия не вышла бы в свет ни одна из многочисленных научных работ, написанных им в 1923—1926 гг. В предисловии к третьему изданию "Очерков по теории стоимости Маркса" Рубин писал: "При выходе в свет первых двух изданий настоящей работы значительное содействие оказали мне Д.Б. Рязанов и Ш.М. Дволайцкий, которым приношу свою искреннюю признательность" [15].

В конце 1926 г. И.И. Рубин был принят на работу в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Здесь он получил широкие возможности для плодотворной научной деятельности. Вскоре стал заведовать кабинетом политической экономии, который в те годы был центром подготовки к печати экономических произведений К. Маркса и имел уникальную коллекцию — около 14 тысяч — книг по проблемам политической экономии и истории экономической мысли [16]. В институте в 1927—1930 гг. Рубин подготовил к публикации работу Маркса "К критике политической экономии" [17], осуществил переводы ряда других экономических произведений Маркса, начал работу над новым изданием "Капитала", участвовал в составлении ряда тематических сборников. Переводил он и классиков политической экономии, в частности, книгу А. Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов". Продолжил и собственные исследования в области экономической теории и истории экономической мысли, опубликовал несколько новых статей [18—20]. Ежегодно переиздавалась его "История экономической мысли" — книга, являвшаяся самым известным пособием по этому курсу [21]. Регулярно готовил ученый развернутые критические обзоры зарубежной и советской литературы по проблемам политической экономии и теории марксизма [22—24]. Он возобновил и преподавательскую деятельность в ИКП, Институте народного хозяйства, МГУ, Институте экономики, РАНИОН: читал лекции по политической экономии, о "Капитале" и по истории экономических учений. Лекции неизменно собирали большие аудитории и вызывали огромный интерес в научной среде.

И.И. Рубин выделялся среди экономистов 20-х годов стремлением более научно подойти к экономической теории Маркса. Конечно, он не преодолел одностороннюю апологетическую интерпретацию марксизма, ставшего после 1917 г. единственно разрешенной социальной теорией. Но в отличие от подавляющего большинства представителей первого поколения советских экономистов Рубин пытался рассмотреть взгляды Маркса в системе экономической науки XIX в. Это не могло остаться безнаказанным.

В 1928 г. началась дискуссия о книге И.И. Рубина "Очерки по теории

стоимости Маркса", вначале носившая характер научного спора. Но затем критические замечания по поводу идей и положений книги переросли в политические обвинения. Автору были инкриминированы: фальсификация экономической теории марксизма, идеалистический подход к экономическим категориям, отрыв формы от содержания и т.д. Его идеи обозначали термином "рубинщина", а сам он был объявлен лидером идеалистического направления в политической экономии [25—28]. Дискуссию завершила в начале 1930 г. статья В. Милютина и Б. Борилина "К разногласиям в политической экономии" в теоретическом органе ЦК ВКП(б) журнале "Большевик" [29].

Вскоре началась травля И.И. Рубина в центральной печати. 19 ноября в одной из статей "Правды" его назвали "участником разоблаченной меньшевистско-кулацкой вредительской группировки" [30]. В начале 1930 г. ученый был вынужден оставить преподавательскую работу в ИКП и других учебных заведениях. 22 ноября он направил в редакцию "Правды" письмо, в котором отвергал свою причастность к деятельности каких-либо вредительских группировок, а 1 декабря подал заявление об уходе из Института К. Маркса и Ф. Энгельса [31, л. 8, 9].

К началу 30-х годов стало трудно работать всем неординарно мыслящим ученым-обществоведам. Одержав победу над своими политическими оппонентами в руководстве ВКП(б), Сталин пустил в ход репрессивную машину против инакомыслящих как в самой партии, так и за ее пределами. В этих условиях судьба бывшего политического заключенного, оригинального ученого, своими работами будоражившего экономическую науку, была предрешена. Развязку ускорили два обстоятельства. Во-первых, организация по сценарию Сталина на рубеже 1930 и 1931 годов показательного процесса против группы бывших меньшевиков и, во-вторых, стремление Сталина расправиться с ненавистным ему академиком Д.Б. Рязановым. Арест Рубина не заставил себя ждать. Это произошло в ночь с 23 на 24 декабря 1930 г.

В течение почти месяца сотрудникам ОГПУ не удавалось получить нужные им показания. Об этом говорится в воспоминаниях сестры Рубина Б.И. Желтенковой [32, л. 249—253]. Ее сведения подтверждает и следственное дело, в котором запечатлелась первоначальная реакция Рубина на постановление об аресте: "Виновным себя на признаю, никакого абсолютно отношения к меньшевистской партии с 1923 года не имел и не поддерживал даже связь с лицами, о которых мог бы предполагать, что они входят в меньшевистскую партию" [31, л. 1].

В ходе подготовки процесса были применены изуверские методы выколачивания требуемых показаний [32, л. 244—245]. Их определил сам Сталин еще в октябре 1930 г. в письме В.Р. Менжинскому: вначале ознакомить обвиняемых с "направляющими" показаниями, затем "стро-

жайше допросить", а тех, кто отказывается сотрудничать, "провести сквозь строй" [33, с. 99—100]. Сталин был особенно заинтересован в "показаниях" Рубина. И к нему были применены самые жестокие методы воздействия — бесконечные допросы, избиения, карцер, представляющий собой каменный мешок в человеческий рост, издевательства и пытки, запрет спать и т.п. [32, с. 250—251].

В конце концов тяжело больной и измученный бесконечными издевательствами ученый не выдержал. Б.И. Желтенкова вспоминает: "Брат согласился признать себя членом программной комиссии Союзного бюро и что он, Рубин, хранил в своем рабочем кабинете в институте документы меньшевистского центра, причем, уволившись из института, он в запечатанном конверте передал их Рязанову как документы из истории социал-демократического движения. При этом Рубин просил, якобы, Рязанова на короткое время сохранить у себя эти документы... Он решил поставить вопрос так, что он обманул Рязанова, который ему безгранично доверял. И это положение о личном доверии Рязанова и об обмане этого доверия Рубиным брат упорно проводил во всех своих показаниях. С этой позиции его никто и никогда не мог сдвинуть" [32, с. 250, 252].

8 февраля 1931 г. следователи ОГПУ заставили Рубина написать письмо Рязанову, в котором он просил последнего вернуть никогда не существовавшие документы, якобы необходимые для следствия [30, л. 160]. Вечером 12 февраля Сталин вызвал академика Рязанова и в присутствии В.М. Молотова предъявил ему сфабрикованное письмо Рубина. В ночь с 15 на 16 февраля Рязанова арестовали. 20 февраля была проведена очная ставка. После первых трех вопросов Рязанов прервал ее. Он увидел запуганного, дрожащего, с трудом выдавливающего из себя слова Исаака Ильича Рубина и понял, очевидно, все. "Брата тут же отвели в камеру, в камере он начал биться головой об стену. Кто знал спокойствие и выдержанность Рубина, может понять, до какого состояния он был доведен" [32, с. 252].

Конечно, можно обвинять профессора Рубина в том, что он предал человека, который в 1923—1926 годах спас его от неминуемой гибели, вернул в науку, помогал ему вплоть до ареста. Но нужно учитывать и те обстоятельства, в которых эта драма происходила. Что мог противопоставить ученый мертвой хватке генсека и его опричников? Даже ценой своей жизни он не мог бы спасти Рязанова.

На судебном процессе "Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) (1—9 марта 1931 г.) И.И. Рубин был приговорен к пяти годам тюремного заключения. 22 сентября 1933 г. коллегия ОГПУ приняла решение "во изменение прежнего постановления Рубина Исаака Ильича выслать в Тургай на оставшийся срок" [13, л. 217]. Затем он оказался в Актюбинске. Посетившая его там Б.И. Желтенкова вспоминает: "В Актюбинске брат

И.И. Рубин с женой Полиной Петровной в актюбинской ссылке, незадолго до последнего ареста и расстрела, 1937 г.

поступил работать в потребкооперацию плановиком-экономистом. Кроме того он продолжал заниматься научной работой... Брат сказал мне, что в Москву он и не хочет вернуться, не хочет встречаться с прежним кругом знакомых. Это показывало, как глубоко он потрясен всем пережитым. Только большой оптимизм, присущий ему, и глубокие научные интересы давали ему силы жить" [32, с. 252].

Ниже воспроизводится сохраненная сестрой Рубина, а затем ее детьми Марией Васильевной и Валентином Васильевичем небольшая рукопись ученого, подготовленная в актюбинской ссылке. Она озаглавлена "Учение Рикардо о капитале" и записана в двух ученических тетрадях. Время подготовки — 1936—1937 годы. По жанру рукопись можно определить как эссе, в котором ученый сопоставил взгляды двух выдающихся английских экономистов Д. Рикардо и А. Смита на проблему капитала. Скорее всего Рубин писал эту рукопись для себя, в поисках какой-то отдушины, стремясь в условиях ссылки не растерять навыки исследовательской работы. Но по научному уровню, по литературным достоинствам и аналитичности рукопись не уступает его историко-экономическим работам 20-х годов и несомненно привлечет внимание экономистов и историков как последний аккорд в творчестве ученого.

19 ноября 1937 г. профессор И.И. Рубин был вновь арестован. На этот раз его обвинили в создании контрреволюционной организации. 25 ноября решением "тройки" он был приговорен к расстрелу и через день казнен. Впервые мы публикуем точную дату смерти ученого: 27 ноября 1937 г. Установить ее удалось после изучения соответствующих архивных ма-

териалов КГБ, ныне рассекреченных. До сих пор годы жизни И.И. Рубина определялись формулой: (1886—г. смерти неизвестен). Так указано и в энциклопедии "Политическая экономия", на которую мы ссылались в начале статьи [3].

В 1989—1991 годах И.И. Рубин реабилитирован по всем без исключения делам двадцатых—тридцатых годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rubin I.I.* Essays on Marx's Theory of Value. Transl. from third edition. Detroit: Black and Red, 1972.
2. *Rubin I.I.* A History of Economic Thought. Transl. anded. by D. Filtzer. Afterword by Catherine Colliot–Théléne. London: Ink : Links Ltd, 1979.
3. *Маневич В.Е.* Рубин Исаак Ильич // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 510.
4. *Рубин И.И.* Жизнеописание // ЦГАОР. Ф. 5144, Оп. 20, Д. 4, С. 126.
5. *Рубин И.И.* Комментарии к законам: о вызове наследников (ст. 1249—1253), принятие наследства и последствия онаго (ст. 1257—1258, 1260—1264), отречение от наследства и последствия онаго (ст. 1265—1278), о вводе во владение по наследству (ст. 1297—1299) // Законы гражданские (Св. Зак. Т. X, ч. 1). Практический и теоретический комментарий. Под ред. А.Э. Вармса и В.Б. Ельяшевича. Вып. 3. М., 1914. С. 112—114, 158—162, 195—215, 278—281.
6. *Рубин И.И.* Комментарий к закону о пенсиях для солдат. М.: Изд. юрид. отдела Союза городов, 1915.
7. Известия Московского Рабочего Совета. 1917. № 72, 75, 87, 97, 103, 106, 122, 145, 180, 191.
8. *Рубин И.И.* Примирительные камеры и третейский суд. М.: Моск. Совет раб. деп., 1917.
9. *Рубин И.И.* Страхование от безработицы. Сергиев Посад: Моск. Совет раб. деп., 1918.
10. К расколу "Бунда" (Материалы и документы). Витебск. 1920. С. 20—22.
11. Центральный архив МБ РФ. № Р-28327.
12. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. М.: Госиздат, 1923.
13. Центральный архив МБ РФ. № Р-40156.
14. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 71.
15. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. 4-е изд. М.—Л.: Госиздат, 1930. С. 4.
16. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.—Л.: Госиздат, 1930. С. 33—35.
17. *Маркс К.* К критике политической экономии. М.—Л.: Госиздат, 1929; 2-е изд. М.—Л.: Госиздат, 1930.
18. *Рубин И.И.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1929. № 4. С. 81—108.

19. *Рубин И.И.* Учение Маркса о производстве и потреблении // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.—Л., 1930. Кн. V. С. 58—131.
20. *Рубин И.И.* Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. М.: Пролетарское слово, 1928.
21. История экономической мысли. 2-е изд. М.—Л.: Госиздат, 1928; 3-е изд. М.—Л., 1929; 4-е изд. М.—Л., 1930.
22. *Рубин И.И.* Из истории литературы о марксовой теории денег // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.—Л., 1927. Кн. 3. С. 491—498.
23. *Рубин И.И.* Политическая экономия // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.—Л., 1929. Кн. IV. С. 485—495.
24. *Рубин И.И.* Новый "Анти-Лист" (рецензия на книгу К. Мюса "Анти-Маркс" // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.—Л., 1929. Кн. IV. С. 454—463.
25. *Шабс С.* Еще раз о проблеме общественного труда в экономической системе Маркса (ответ на антикритику И. Рубина) // Под знаменем марксизма. 1928. № 7—8. С. 112—149.
26. *Бессонов С.А.* Против выхолащивания марксизма // Проблемы экономики. 1929. № 1. С. 123—144; № 2. С. 78—117.
27. Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сб. статей под ред. С.А. Бессонова и А.Ф. Кона. М.—Л.: Госиздат, 1930.
28. *Г. Абезгауз, Г. Дукор.* Очерки методологии политической экономии. С предисловием С.Л. Ронина. М.—Л.: Госиздат, 1931.
29. *В. Милютин, Б. Борилин.* К разногласиям в политической экономии // Большевик. 1930. № 2. С. 48—63.
30. *Мушперт Я.* За действительную борьбу против леваков // Правда. 1930. 19 ноября.
31. Центральный архив МБ РФ. № Н-7824, т. 11.
32. *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990.
33. Письма Сталина Молотову // Коммунист. 1990. № 11.

И.И. РУБИН

УЧЕНИЕ РИКАРДО О КАПИТАЛЕ

В теории капитала Рикардо не прибавил ничего нового к тому, что изложено было Смитом. Можно даже сказать, что общий вопрос о природе капитала интересовал его меньше, чем Смита, — и это именно потому, что в его эпоху капиталистические отношения в Англии были более развиты, чем в середине XVIII столетия, когда складывались взгляды Смита. Последний жил в переходную эпоху мануфактурного производства, и относительная новизна капиталистических отношений не могла не привлекать к ним внимание мыслителя, который к тому же отличался меткой наблюдательностью и способностью быстро схватывать характерные особенности конкретных экономических явлений. Отсюда рассуждения Смита о характерных особенностях капитала в его отличии от фонда непосредственного потребления,